

Анатолий БОНДАР, Владимир ДИНЕС

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В ходе широких дискуссий по проблемам гражданского общества в России, развернувшихся в течение последних лет, большинство участников исходит из предпосылки о том, что Россия нуждается в структурах и формах гражданских отношений, широко представленных в западной культуре. Но сам факт прямого заимствования упирается в отечественную реальность, которая не позволяет сработать «здесь и теперь» западным образцам.

Считается, что существует масса объективных препятствий для становления гражданского общества в России, поскольку процесс этот протекает в условиях еще не укрепившейся частной собственности, слабого и «невыкристаллизовавшегося» среднего класса, живучести традиций этатизма и эгалитаризма. Поэтому для успешного развития гражданского общества необходим ряд условий, важнейшие из которых — достижение и сохранение гражданского согласия; консенсус по основополагающим вопросам модернизации российского общества; длительный период общественного экономического роста; создание экономических и политических условий для формирования мощного среднего класса; доминирование в обществе индивида, не уповающего на государство в удовлетворении своих интересов; духовное, нравственное, религиозное обновление общества, поскольку лишь в атмосфере норм человеколюбия, сдержанности и ответственности либерально-демократические ценности, присущие гражданскому обществу, стимулируют действительно здоровые начала. Причём государство должно в этом случае взять на себя лишь функции регулирования, обеспечивающие безопасность граждан и содействующие конструктивным процессам в гражданском обществе, т. е. главным становится соотнесение рационального государственно-го управления и саморегулирования гражданского общества¹.

В такой постановке вопроса многое определяет само понимание гражданского общества, идея которого изначально выступала некой интегрирующей программой действий, способной дать целостное понимание происходящего и обеспечить эффективное и стабильное развитие страны. Большинству исследователей гражданское общество представлялось обществом реальных гражданских и политических прав с преобладанием горизонтальных связей между людьми, свободным и добровольным участием граждан в общественных делах и высоким уровнем самоорганизации. Фактически, на теоретическом уровне речь шла об обществе свободных и независимых индивидов, но сознающих свою ответственность перед непосредственным социальным окружением и перед обществом в целом. А предельно широкое понимание социальной свободы распространяло её на все без исключения стороны социальной жизни.

Именно поэтому наибольшее признание в силу разнообразных обстоятельств получила либерально-радикальная идейно-политическая трактовка гражданского общества, при которой

¹ См.: Проблемы модернизации российского общества // Социально-политический журнал, 1998, №1, стр. 236–237.

*БОНДАР Анатолий
Владимирович
— кандидат
юридических наук*

*ДИНЕС Владимир
Александрович
— д.и.н., ректор
Саратовского
государственного
социально-
экономического
университета*

оно рассматривается как полный аналог «общества рыночной демократии» с максимально ограниченными возможностями государства регулировать социальные процессы. При таком подходе «человек рынка» мыслится в качестве «базиса» всего общественного организма, принципа его существования, зафиксированного политическими, правовыми, культурными и прочими социальными институтами. Тем самым определяются заданными не только определенные нормы общественного порядка, но и крайности либерально-индивидуалистических принципов с их разьединением и превращением индивидов в не связанные друг с другом социальные «атомы», которые, в свою очередь, стремятся только к материальному успеху. С этих позиций все многообразие существующей реальности волеизволей рассматривается всего лишь как средство достижения этой установленной цели, а не как нечто «имеющее смысл в самом себе и на равных правах соучаствующее в целостной жизни человечества»¹.

Данный подход во многом был задан теорией трансформации, используемой для описания и анализа процессов перехода бывших социалистических стран к рыночной экономике и демократическим политическим институтам. Целью всех преобразований (с позиций этой теории) является установление институционального порядка, воспроизводящего реальность современных западных стран. В соответствии с этой целью должна произойти кардинальная реорганизация всей социальной жизни на принципиально новых социальных основаниях. А поскольку любое общество имеет системный характер, то и изменения, по этой теории, должны происходить одновременно во всех сферах социального бытия. В результате тотальное и одновременное преобразование общества, исходя из требований радикального изменения социального порядка, не обеспечивает какого-либо сохранения исторической преемственности и самоидентичности государства и общества.

Ошибочность данных исходных теоретических установок привела Россию к глубочайшему кризису, распаду привычного образа мира, что и повлекло за собой массовую дезориентацию, утрату

идентификаций как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Фактически сейчас сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать словами В. Ключевского, сказанными по поводу атмосферы российского общества конца XVIII столетия, когда также происходило заимствование политических и социальных идей Запада. «Рационалистическая обработка и космополитическая тенденция этих идей, — писал он, — располагали к таким отвлеченным построениям человеческого общежития, которые были столь же далеки от русской, как и от европейской действительности...»²

Итогом всего этого стало то, что бурное увлечение проблематикой гражданского общества, которое наблюдалось в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. сменилось пессимистическими оценками как достигнутого, так и общих перспектив постсоциалистического развития России. Восприятие гражданского общества как главного условия необратимости российской демократии во многом потеряло свою нормативную ценность, а также какую-либо практическую значимость на фоне мгновенной деградации социального порядка. Столь резкое изменение было связано, по нашему мнению, не только с реальными и противоречивыми процессами трансформации общества, но и что не менее важно, — с общепринятой интерпретацией концепции гражданского общества, возобладавшей на рубеже этих годов в нашем общественном сознании. Представления о гражданском обществе в этот период оказались скорее политически-лозунговыми, чем научно осмысленными, поскольку это была скорее эмоциональная критика советского строя и убежденность в определяющей роли гражданского общества в процессе демократических преобразований.

Сегодняшняя актуализация данной проблематики происходит в существенно иных условиях, когда возросли гражданская зрелость и политическая культура членов общества, способность людей самостоятельно оценивать достоинства и недостатки того или иного строя, более осмысленно судить и о гражданском обществе. Об этом свидетельствуют материалы как теоретического, так и политико-прикладного плана, опубликованные

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. — М., 1992, стр. 28.

² Ключевский В. О. Соч. в 9 т. — М., 1989, т. 7, стр. 249—250.

в последние годы, рассматривающие гражданское общество в цивилизационном аспекте как следствие веками складывающихся традиций и устоев жизни народа. Постепенно начинают преодолевать однобокие увлечения гражданскими отношениями западного типа, эталоном которых представлялись общественные устои стран Западной Европы и Северной Америки. Появились серьезные исследования, касающиеся специфики гражданского общества в различных цивилизациях, в отдельных странах или группах стран, важности конкретно-исторического анализа этого феномена. В современной литературе все чаще подчеркивается необходимость формирования такой модели гражданского общества, которая адекватно отвечала бы своеобразным условиям страны и могла бы обеспечить его эффективное функционирование.

Вместе с тем сохраняется положение, при котором основные версии концепции гражданского общества разрабатываются, как правило, сторонниками либеральной парадигмы, исходящей из приоритетности принципа индивидуализма в обеспечении эффективности социальной системы. А это опять ставит на повестку дня объяснение происходящих процессов с учётом следующих особенностей:

- в процессе осмысления классической, т. е. западной, модели гражданского общества на постсоветской почве были совершены ошибки и допущены отклонения, которые исказили конечный результат;
- гражданское общество, т. е. его западное воплощение, в принципе не подходит России, ибо является продуктом, выросшим на совершенно иной почве, в результате совершенно иного, чем наше, органического развития;
- гражданское общество есть лишь идеологическая конструкция, в лучшем случае - некоторая идеологическая отвлеченность, в худшем - миф; все попытки его определения вязнут в многочисленных оговорках, что отражает неотработанность с этого понятия научной точки зрения;
- гражданское общество, о котором мы спорим, уже не существует; к моменту, когда эта проблематика актуализировалась на постсоветском пространстве,

оно претерпело столь существенные перемены, что ныне его облик, структуры стали совсем иными, чем прежде.

Данные обстоятельства с неизбежностью привели к двум следствиям. С одной стороны, все более настойчиво высказывается мнение о том, что Россия - самобытная страна, которой не подходят модернизационные механизмы Запада, выработанные в принципиально иных условиях. Но разброс мнений по этому поводу просто поражает: одни считают, что Россия как развивающаяся страна обречена (в отличие от развитых стран) на потрясения и катаклизмы; другие видят её оказавшейся на краю пропасти из-за политики буржуазных реформаторов; третьи убеждены, что естественное развитие страны прервал коммунизм, последствия которого ещё долго будут сказываться на экономике, политике и культуре; четвёртые полагают, что подлинное и благотворное содержание реформ не смогло проявиться из-за косности, инерции и неразвитости народа и сопротивления реакционных сил и т. д.

С другой стороны, многие исследователи пришли к выводу, что России нужно найти такой путь развития, который позволит сочетать достижения модернизационного развития западных стран со специфическими особенностями российского уклада, реализовать их, не ломая, а опираясь на все еще живые традиционные элементы социального устройства российского общества. И в этом плане достаточно обоснованной выглядит точка зрения, что на протяжении фактически всей истории России оказались полностью или в значительной степени дискредитированными почти все пришедшие с Запада, в свое время привлекательные идеи, социальные гипотезы, политические технологии. Во всех случаях результаты кардинально отличались от того, что послужило для них образцом на Западе, и за все такие попытки общество платило высокую, подчас недопустимо высокую цену (реформы Петра I, Сталина, Ельцина). В этом странном постоянстве соотношений между изначальной идеей и конечным практическим результатом её приложения есть какая-то глубинная закономерность, напрямую восходящая к природе и особенностям устройства и

бытия российского общества и государственности¹.

Прошедшее время, а главное, результаты преобразований во всех постсоциалистических странах привели к пониманию того, что феномен гражданского общества весьма сложен и поэтому обладает комплексными характеристиками. Движение в направлении развития его современных форм предполагает не только значительное поле неопределенности, но и большие или меньшие органические ограничения возможностей его развития. Но несмотря на это, в наиболее распространенных трактовках гражданского общества и сейчас отсутствует его историческое и типологическое осмысление. Например, в современной западной науке существует огромное количество литературы, посвященной гражданскому обществу. В ней можно выделить четыре главных концептуальных подхода, определяющих направление научной мысли при оценке состояния гражданского общества в России, а именно: 1) гражданское общество в контексте посткоммунистических преобразований; 2) гражданское общество как «третий сектор» — в дополнение к государственному и рыночному секторам; 3) транснационализация гражданского общества; 4) девиантные формы негражданского общества².

Наиболее распространенной является позиция, что формирование гражданского общества в России должно основываться на классической теории демократии, а развитие самого гражданского общества выступать краеугольным камнем процесса демократизации. А поскольку в России до установления коммунистического режима не было никаких демократических традиций, к которым можно было бы вернуться, то, следовательно, гражданское общество должно создаваться как бы на пустом месте.

В целом, взгляд на гражданское общество с точки зрения посткоммунистической трансформации сосредоточен на его ведущей роли, как уже говорилось, в демократизации общества. При таком подходе успехи и неудачи российского

гражданского общества оцениваются по тем результатам, которых удалось достичь в области представительства, гражданского участия и свободы мнений³.

Данное пренебрежение методом исторической интерпретации приводит, по существу, к ненаучным попыткам предложить некий «набор» полезных функций гражданского общества, естественно с определенной позиции понимания перспектив, и тем самым навязать трансформирующимся странам жестко детерминированную модель развития. И, к сожалению, существующая множественность конкретно-исторических и культурных типов гражданского общества по-прежнему сводится к какой-то единственной и универсальной модели, которая, скорее всего, действительно сможет заменить прежние представления о коммунизме, но при этом сохранит и их прежний статус, а именно статус очередной социальной утопии.

Игнорирование того, что концепция гражданского общества имеет собирательный, обобщающий характер, ибо включает в себя множество исходных представлений, отражающих динамику и многообразие социальной жизни, а также различия в его интерпретации, связанные с сугубо конъюнктурным идеологическим видением иерархии факторов, влияющих на становление и развитие гражданского общества, ведет, в конечном счете, к представлению об идеальном типе, не только не имеющем ничего общего с наличным эмпирическим материалом, но и прямо отрицающим какое-либо социокультурное своеобразие любого конкретного общества.

Можно, конечно, исходить, как это делают некоторые авторы, из представлений о гражданском обществе как исключительно умозрительной теоретической конструкции, которая не зафиксирована в каких-либо четких институциональных формах, т. е. из представлений об обществе, которое никогда не пребывает в завершенном состоянии и понять которое можно лишь осознавая исторический процесс в целом. Но в этом случае понятие гражданского общества приобретает чисто идеологическое содержание, подтверждающее, по мнению П. Бурдьё, «частичную форму научной компетен-

¹ См.: Косолапов Н. Идея Европы в российском самосознании: взгляд на проблему // Мировая экономика и международные отношения, 1997, № 11, стр. 150.

² См.: Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et contra, 2006, № 1, стр. 9.

³ См.: Там же. С. 10.

ции»¹. А сама идея гражданского общества теряет не только всякую аналитическую ценность, но и свой аксиологический смысл.

Данное утверждение легко иллюстрируется ограниченностью доминирующих в настоящее время трактовок гражданского общества. Например, одним из важнейших признаков гражданского общества выступает его автономия, его «отделённость» от политической власти, от государства. Именно с этих позиций, в первую очередь, оценивается положение в постсоциалистических странах. Но если проследить развитие отношений гражданского общества и государства в рамках самой западной традиции, то можно будет констатировать, что на Западе, где эти отношения развивались естественно и эволюционно, тем не менее, роль, функции и место государства в социально-экономическом развитии общества радикально изменялись в соответствии с этапами развития капиталистических отношений. Частнохозяйственный капитализм требовал «минимального», «дешевого» государства, но уже зарождение и тем более развитие монополий, разрушавших устоявшиеся «правила игры», привели к усилению государства. В этих условиях стали жизненно необходимыми антигосударственные законы, поддержка массового предпринимательства, популистские акции, т. е. комплексная система государственных мер. А кризис 30-х гг. XX в. еще более стимулировал роль государства, степень его вмешательства в гражданские отношения, так как уже требовалось макрорегулирование рынка, его финансового сектора, а также выполнение функций социального обеспечения.

Современное же западное общество с его многократно усложнившейся структурной дифференциацией привело к новому расширению и усложнению функций государства, его всё более активному вмешательству в сферу гражданского

общества с целью поддержки социального регламента, который в настоящее время является необходимой предпосылкой выживания всех элементов в данной системе. Иными словами, когда постулируется необходимость автономии и самоорганизации гражданского общества на базе частного интереса, фактически полностью игнорируется реальность современной формы западного гражданского общества, где структурные связи значат уже больше, чем отдельные, пусть даже и самоценные элементы целого. В случае же России, при всей её близости к Западу по культуре, религии и самом факте постоянного, тесного общения с ним, российское общественное устройство по своим базовым принципам, по взаимосвязи общества и государства, по важнейшим формам жизнедеятельности людей никогда не приближалось к первоосновам западной цивилизации.

Можно сказать, что нигде и никогда гражданское общество без участия государственной власти не создавалось. И несмотря на то, что в прошлом гражданское общество зачастую противопоставлялось государственной власти, это противопоставление не соединялось с убеждением, что гражданское общество может возникнуть самостоятельно и стать самодостаточным. Следовательно, независимость гражданского общества заключается не в том, что оно будто бы может обойтись без государства, а скорее в том, что оно выполняет в общественной жизни иные, чем государство, функции и при этом действует на иных принципах. Но это совсем не исключает необходимости и возможности участия государства в формировании гражданского общества. То есть, это в любом случае двуединый процесс, когда спонтанная и естественная инициатива тех или иных социальных групп нуждается в поддержке и правовом оформлении со стороны государства даже тогда, когда она просто фиксирует сложившийся порядок вещей.

¹ См.: Бурдые П. Начала. — М., 1994, стр. 59–60.